

https://aif.ru/society/people/melodiya_dlya_saksofona

Люди, меняющие мир — Мелодия для саксофона. Дыхание души Вероники Кожухаровой

Вероника Кожухарова / Фото Дарьи Никитиной / [Из личного архива](#)

Её встречают аплодисментами в странах Европы и Азии. Зрители стоя устраивают овации. Гастрольный график расписан на месяцы вперёд. Вероника Кожухарова — одна из самых блистательных саксофонисток мира. А её родная мать выбросила девочку на снег. Для тех, кто боится генетики приёмных детей. Вероника росла в приёмной семье, при получении паспорта сменила фамилию на мамину.

Музыка, звучащая в ней, — дар божий, а судьба подарила встречу с саксофоном...

«Я хочу света, хочу любви, хочу той веры, — пусть это будет иллюзия, что жизнь — это счастье». Так хочет Вероника Кожухарова, одна из лучших саксофонисток мира, взмывшая к вершинам из бездны.

Гастрольный график, расписанный на год вперёд. Полные залы по всему миру. Признание мэтров. Известнейшая фирма — производитель саксофонов, выбравшая россиянку своим лицом. Дружба с Карденом. Совместный проект с Хаматовой...

Невысокий рост, невесомое тело, быстрая речь и поющие руки. Кеды, белое платье, короткая стрижка. Она как взъерошенный птенец, которого хочется взять на ладонь и согреть. «В каждом

городе мира, если есть хотя бы час времени, я нахожу парк аттракционов и, если даже не катаюсь, просто смотрю. Карусели летят по кругу, и меня это завораживает... Эта детскость во мне — наверное, она сохранилась до моих 33 лет, потому что на самом деле детства у меня не было. Я всё пропустила».

Актриса Елена Морозова и саксофонистка Вероника Кожухарова в Театре на Малой Бронной в Москве. Фото: [РИА Новости](#)

Ей было 3 года, брату — 9 месяцев, когда их выставили на улицу. Зимой. Вероника никогда не говорит: «Мать», она говорит: «Та женщина». Биологический родитель. Милиция сказала тогда: «Мы отвезём тебя туда, где будет много игрушек». Детский дом. Много игрушек — и ощущение, что тебя предали. И ещё: «Это навсегда». И ещё: «Надо выжить ради брата».

Назло, наперекор своей доле, таким же, как она, узникам этого дома, тоже борющимся за своё место под солнцем, и взрослым людям с замершей душой... За правду — она рассказывала шефам об истинной судьбе их подарков, что уносили домой воспитатели, — её били. «Бейте, всё равно не сломаете». Этой же правдой будет потом наполнена её музыка. «Иначе — бессмысленно». Отдаваться — полностью, говорить — искренно, играть — на разрыв.

— В человеке живут два мира, — говорит Вероника. За её спиной на Москву спускается ночь, до репетиции в католическом соборе, где у неё концерт с японкой Хироко Иноуэ (орган) — час, на завтра она улетает с Чулпан Хаматовой в Ереван.

— Два мира: душа, то, что внутри, — и внешняя маска. Ведь то, что нам больно, мы чаще всего прячем. Мой мир, который внутри, рассказывает о себе через саксофон. С ним у меня есть надежда, что я буду услышана. Потому что слова, бесконечные слова — это порой просто слова. Важно, что за ними.

Веронике было 9, когда она поняла это. И рассказала маме. Женщине, которая купит ей её первый саксофон.

Подарок судьбы

Ирина Ивановна Кожухарова, научный сотрудник симферопольского института, мать двоих детей, пришла в этот детский дом за мальчиком. К мальчику прилагалась сестра. «Ох, с характером, дикий нрав, одним словом — волчонок, даже и не думайте», — отговаривали её. Ирина Ивановна взяла обоих, а впоследствии усыновила ещё с два десятка детей, организовав один из первых в Крыму семейных детских домов. По дороге домой, по её первой дороге в её первый настоящий дом, Вике, как стала называть её Ирина Ивановна, стало плохо: потные ладошки, бледные щёки.

«Я не просила никого меня отдавать в детский дом — не просила никого и забирать». Выскочили из трамвая, рядом — парк с аттракционами, одна долго укачивала другую, чтобы затем продолжить путь. Долгий. С побегами из дома. С угрозами на какой-то вышке: «Сейчас спрыгну!» — «Давай прыгать вместе, вдвоём в реанимации веселее лежать». Проверка на любовь.

— Любое чувство, если оно настоящее, глубокое, оно на самом деле очень тихое. Если ты любишь человека, не надо орать об этом. Достаточно поблагодарить Бога, небо, космос, кто во что верит... Мне выпал такой подарок судьбы — моя мама.

Маски сняты. Не сказаны слова — ибо какой в словах толк? — но всё между ними определилось. Жили бедно: в доме порой отключали свет, мама стирала руками на всю малышню, чай пили без сахара. Но свет внутри — его как будто включили.

— Я стала поглощать этот мир, как будто мне вдруг в него открыли двери — и всё в них хлынуло: подвалы, велосипеды, футбол, мальчишки, музыка. Всё сразу. Мне казалось, люди за месяц столько не проживают, сколько я успевала за день. Я успевала этому разбить нос, этого спасти — амплитуда чувств зашкаливала. Пока в один момент всё не оказалось подчинено одной идее...

Конечно, с её характером дорога ей была в спорт. Но дети большой семьи Кожухаровых посещали музыкальную школу, там оказалось свободное место в отделе духовых, и Вика захотела... на флейту. «Флейта — для девочек с бантиками», — отрезала мама. И Вика стала играть на саксофоне.

*Актёр Лев Дуров и саксофонистка Вероника Кожухарова в Театре на Малой Бронной в Москве.
Фото: [РИА Новости](#)*

До последнего глотка

Говорить, рассказывать, открываться через него — это было не сразу. Сначала — просто играла. «Не верю!» — влетала порой мама в комнату, где Вика репетировала. Часами. По боку уже были все мальчишки и дворы. Надо беречь пальцы, надо беречь губы. Она плакала — от бессилия, злобы... и освобождения.

— Если действительно любишь, мне легче это сказать музыкой, потому что музыке не нужны слова, там только чувства. Это не затёрто, это всегда новое, это всегда будет слышно...

Веронику слышали. И ей поверили. К 11 годам — победительница двух международных конкурсов. Сразу везде — первые места или Гран-при. В 14 лет Вероника поехала учиться в Москву.

«Моя мечта: хочу однажды увидеть тебя на сцене Большого зала Московской консерватории», — сказала мама, когда они шли на экзамены мимо этого здания.

Всё сбылось. И не раз. И концерты в Большом зале, и учеба в Париже, и гастроль по всему миру...

Ей всегда было что рассказать, с чем выйти к залу, за чем пустить слушателей внутрь, в тот мир, где срываются маски. Искренность, оплаченная дорогой ценой. Свобода вырвавшегося из плена. Дыхание — до последнего глотка.

— Помню: я учусь в Москве, и у меня дежавю: я опять одна, семья осталась в Симферополе. Но

теперь со мной был мой друг, мой учитель, мой воздух, мой хлеб, моя опора, моё оружие, мой козырь. Мой саксофон. И я помню себя, 14-летнюю, идущую с ним за плечом по Садовому кольцу и понимающую, что благодарна. За всё, что мне было послано — и ещё только будет.

Есть вещи, которые не всегда можно простить. И тем не менее, как это ни парадоксально, можно принять. Я благодарна той женщине, биологическому родителю, и знаете почему? Потому что понимаю — она могла с таким же успехом сделать аборт. И меня не было бы вообще. Не было бы ничего: ни проектов с Хироко и Чулпан, этого разговора, ночной Москвы, завтрашнего самолёта... Но она поступила так, как поступила. Это горе сделало меня сильной.

Я не пушистая птица, знаете, такая вся белая. Я бываю очень разная: я могу быть жёсткой... Да, я благодарна. И единственное, о чём прошу: «Дай сил выдержать всё, что ни пошлешь».

Мы прощаемся за оградой собора, Веронике пора на репетицию с органом. Она рассказывает, что её самой на выступлении не будет видно: её место с саксофоном — высоко под куполом, в ночном сумраке храма, когда уже закончены службы и осталась только одна — месса любви. Оттуда, с вышины, невидимый — к залу и к небу — будет литься её рассказ.

Можно больше не держать удар.

Можно просто любить.

Полина Иванушкина